

Кража

После неудачной попытки поступить в Водный институт вечером на семейном совете обсуждалась дальнейшая Вовчика судьба. Всем, даже самому Вовчику, было понятно: он должен идти работать. Всем — кроме бабушки.

— Вы что, в самом деле, с ума посходили — ребенка вкалывать хотите отправить?! — горячится бабушка. — Может, еще на завод его пошлете?

— Ну, на завод — это ты переборщила, но куда-то его пристроить нужно, — рассудительно отвечает мама, — не болтаться же ему на улице в компании бездельников.

— А почему бы и не на завод? — вмешивается отец, не спеша освобождая мундштук от остатков сигареты. — Не на рудники ведь...

— Огромное спасибо, что не на рудники! Мерси боку! — ерничает бабушка. — Ну честное слово, будто чужое дите! Пусть дома посидит, как следует позанимается, а через год опять попробует поступать...

— А не поступит, — с усмешкой подхватывает отец, — опять годик полоботрясничает, снова поступать попробует, и так — до самой пенсии... Нет уж! Пусть погуляет две недели, а в начале сентября я его сам куда-нибудь устрою.

На том и порешили. Когда Вовчик отправлялся спать, отец обнял его за плечи и вывел на балкон.

— Сынок, я тебе, как ты догадываешься, не враг. Поработаешь два года, заработаешь производственный стаж и сможешь поступить в любой институт. Потерпи!

Это была середина 1950-х. Тогда, имея два года стажа, достаточно было сдать вступительные экзамены даже на "тройки" — несмотря на внушительный конкурс, в первую очередь, брали "производственника". Так Вовчик оказался на заводе. Две недели до начала работы, проведенные на Ланжероне (днем) и танцплощадке "Огни маяка" (вечером) пролетели пулей...

Отец постарался — это было совсем небольшое, какое-то уютное, чтобы не сказать — семейное, предприятие с почти нулевой текучестью кадров. Попасть сюда было не так уж и просто, но помогли отцовские связи. И еще одна весьма немаловажная деталь: завод этот, изготавливающий токарно-винторезные станки повышенной точности, находился на углу улиц Свердлова и Кирова* — в каких-то пяти кварталах от дома на Сверд-

* Упомянутым улицам возвращены их первые названия: ул. Свердлова — это ул. Канатная, а ул. Кирова — ул. Базарная.

лова, где жил Вовчик. Между прочим, когда-то он принадлежал обществу "Труд", помогавшему представителям беднейших слоев еврейского населения Одессы в приобретении профессии.

Вовчик был принят учеником токаря в инструментальный цех. Начальник отдела кадров лично отвел его на будущее место работы и представил начальнику цеха Александру Сергеевичу — плотному мужчине лет пятидесяти. Получив от кадровика соответствующую информацию, Александр Сергеевич подвел Вовчика к одному из токарных станков и, перекрикивая стоящий грохот, изрек, обращаясь к напряженно ссутулившемуся над станком мужику лет сорока:

— Петя, принимай пополнение! Это твой ученик.

И ушел в свою конторку. Петя остановил станок и оценивающе Вовчика осмотрел. Потом протянул замасленную руку:

— Петр! Можешь называть меня Петей, но на "вы". Сколько классов окончил? Десять?! О, да ты же у нас профессор! Куришь? А что куришь? А, сигареты... Я "Беломор" всю жизнь тяну, а тут кончились. Будь другом, на тебе гроши, сбегай на угол, возьми пачку...

Вовчик молча взял деньги и поплелся за папиросами через дорогу "на угол", где стояла будка с вывеской "Пиво-воды". По дороге в цех он мысленно прокручивал сложившуюся ситуацию: "Мало того, что я со средним образованием пошел в ученики, так этот жлоб еще хочет сделать меня мальчиком на побегушках?! Нет уж, я им не Ванька Жуков!..".

Петя кивком поблагодарил за принесенные папиросы и, не останавливая станок, прокричал:

— Сейчас можешь канать домой, а завтра чтоб как штык, в рабочей робе к восьми был на этом месте! И на обед себе что-нибудь прихвати — у нас столовой нет. Пока!..

Утром, наспех проглотив приготовленный мамой завтрак, Вовчик облачился в старый спортивный костюм, схватил авоську с бутылкой кефира и бутербродами и заспешил на завод. "Победа" — часы, подаренные ему родителями в честь окончания школы, — показывали половину восьмого. Пересекая улицу Жуковского, он обменялся рукопожатиями со знакомыми пацанами, работавшими на 8-й модельно-обувной фабрике — вход в нее был как раз с этого угла. Проходя мимо 39-й школы, он несколько снисходительно посмотрел на толпящихся у входа учеников: мол, рабочий человек идет, не вам, малолеткам, чета!..

...Цех был еще пуст, из бытовки раздавались голоса переодевавшихся рабочих. Только уборщик цеха, рыжеватый парень лет двадцати пяти, со-

бирал в совок мусор, выметенный им из-под станков и в проходах. Увидев Вовчика, он как-то противно заулыбался щербатым ртом и прогнусавил:

— Что, салага, решил в работяги податься?

Вовчик был не тот мальчик, чтобы оставить без ответа подобные выпадy, но сейчас решил промолчать, тем более что рыжий уже исчез в дверях бытовки, откуда начали выходить переодетые в рабочую одежду будущие Вовчика коллеги.

Подошел Петя, молча кивнул в ответ на Вовчика приветствие, достал из шкафчика несколько резцов, еще какие-то инструменты и взял в руки чертеж с обильными следами масла. Повернулся к ученику и с улыбкой спрашивает:

— Ну, хоть что-нибудь тебе здесь понятно?

И протягивает чертеж Вовчику.

— А чего это "что-нибудь"? Все понятно.

Вовчик положил чертеж на каретку станка и довольно толково изложил его содержание.

— Молодец! И вправду — профессор! — с нескрываемым восхищением Петя хлопнул польщенного Вовчика по плечу и прокричал проходившему мимо начальнику цеха: — А папан разбирается: мигом чертеж прочитал!

— А что ж тут удивительного? Как-никак, десять классов за спиной — среднее образование, — умерил Петин восторг Александр Сергеевич. — Меня вот больше волнует, чтобы ты быстрее заказ по валам выполнил!

— Выполню, Сергеич, нормально, а меня больше волнует, чтоб грамотные наряды закрыли. Я даром пахать не собираюсь!..

— О-о-о, завел свою шарманку! Слушать уже тошно! — рассердился начальник и пошел прочь.

— Вот, Вова, войдешь в курс дела, так поймешь, что о своей зарплате постоянно заботиться надо. — Петя уже склонился над включенным станком и внимательно следил за поставленным на "самоход" резцом, снимающим с обрабатываемой детали закручивающуюся стружку. При этом он азартно посасывал зажатую между зубами папиросу. — И Саша (он кивнул в сторону кабинета начальника), и нормировщица меня знают хорошо: я делаю свою работу без брака, а они пусть выкручиваются как угодно, но мои штуку двести вынь, да положи!.. Мне, как говорится, чужого не надо, но за свою копейку — горло кому хочешь перегрызу!

Вовчику стало вдруг очень тоскливо: стой и слушай эти излияния, а отойти нельзя.

— Петя, чем мне заняться? Дайте какую-нибудь работу, а то я засну сейчас...

— А какую я тебе дам работу, если ты еще ничего не умеешь? Вот подучишься немного — станешь за станок, будешь простейшие детали точить, а пока — стой и смотри.

— Можно, я пока в бытовку отнесу свои шмотки? — Вовчик показал на "авоску" с обедом.

В дверях бытовки он столкнулся с уже переодетым в чистую одежду уборщиком — тот убирал цех утром и после обеда.

— А ну, салага, притормози! Куда прешь?! — рыжий явно нарывался на ссору.

Оказавшийся рядом расточник Боря, крепкий парень в замазленной телняшке, неожиданно принял сторону Вовчика:

— Ты, Сашка, не очень тут прыгай! Может, со мной пободаешься?

Сашка что-то пробурчал и пошел к выходу.

— Ты, пацан, этому рыжему спуска не давай! — говорит Боря. — Если нужно — я всегда помогу.

В бытовке вдоль стен стояли шкафы для одежды, посередине — старый стол. Положив авоську на подоконник, Вовчик вернулся на рабочее место.

— Профессор! Есть для тебя работа! — радостно закричал Петя, не поворачиваясь от станка. — Наведи-ка в моем шкафчике порядок: резцы — на одну полку, сверла — на другую, ключи... В общем, ты понял? Вот и занимайся!..

Ровно в полдень все станки были остановлены, отчего возникла какая-то звенящая тишина, и рабочие потянулись в бытовку обедать. Дружно расселись вокруг стола, каждый ел принесенное с собой. Включили радио — чудом сохранившуюся еще с довоенных времен черную "тарелку" (ее называли "репродуктор") — и бодрый мужской голос с чувством прохрипел: "Передаем концерт оркестра народных инструментов Украинского радио. Художественный руководитель и главный дирижер — заслуженный артист Украинской ССР Андрей Бобырь". Вокруг засмеялись. Оказывается, редкий обед обходился без выступления именно этого оркестра. Не случайно и через полвека Вовчик помнит фамилию его дирижера.

Наскоро перекусив, работники занялись игрой в домино. Ровно в час все пошли к станкам. Так продолжалось несколько дней. Вовчик уже со всеми перезнакомился: расточник, он же — неутомимый рассказчик анекдотов Володя; степенный красавец слесарь Виктор; токарь Слава — пере-

довик, гордость завода и депутат райсовета; очень пожилой расточник, хромой фронтовик Боксерман (его имени за два года работы Вовчик так ни разу и не услышал, все обращались к нему по фамилии)... Вовчик уже кое-чему научился, и Петя начал доверять ему на станке простейшие операции, более того, Вовчику начала нравиться эта работа! Но скоро начались неприятности.

Кажется, на четвертый день начальник цеха поручил ему после обеда принести для Пети чугунные заготовки из литейного цеха, страшно тяжеленные. Натаскав их в том количестве, сколько требовалось на смену, Вовчик уселся на ступеньках перекурить — злой, как черт. В это время в цех вошел Александр Сергеевич. Увидев Вовчика, рассеявшегося на ступеньках с сигаретой, он подошел и, не скрывая раздражения, предложил прекратить этот незапланированный отдых, а взять метлу и подмести проходы в цехе. Вот это уже было чересчур!

— Александр Сергеевич, вы что-то перепутали! — начал Вовчик, задыхаясь от праведного негодования. — Я, кажется, не уборщицей и не грузчиком работаю, а учеником токаря. Вот и дайте мне возможность учиться этой профессии, а не заматывать цех, — не для этого у меня аттестат зрелости!..

Говорил он очень громко, и рабочие, слыша этот монолог, выключили станки и с живым интересом смотрели на участников неожиданно вспыхнувшего конфликта, — чем кончится этот бунт.

Александр Сергеевич явно не ожидал ничего подобного и на какое-то время даже дар речи потерял. Уже считая себя победителем в споре, Вовчик с гордо поднятой головой направился к Петину станку. Но тут начальник оправился от шока.

— Ну-ка, вернись! — властно крикнул он и, в упор глядя на подошедшего и заметно оробевшего Вовчика, четко произнес:

— Я не закончил разговор с тобой! Запомни, "дипломант": здесь (он сделал круговое движение рукой, охватывая как бы все цеховое пространство) ты будешь делать все, что я тебе скажу. А не хочешь подчиняться — скатертью дорожка, проваливай!

Вовчик стоял, как оплеванный. Что делать? Взять метлу в руки после такого унижения? Или молча уйти домой? Вовчик развернулся и пошел прочь из цеха.

На улице он остановился. "Пойду, все отцу расскажу!" — решил Вовчик. Но пойти к отцу на работу в рабочей замасленной одежде он не мог. Идти домой — значит, нарваться на бабушкин "допрос с пристрастием": отчего, мол, так рано? И в парк в таком виде не пойдешь. Вот и топчется битый час

Вовчик у заводских ворот, не зная, как вести себя дальше. А вот уже из проходной повалила толпа работяг — рабочий день подошел к концу.

— Неправ ты, тезка, — услышал он за спиной. Это был весельчак Володя. — Завтра приходи пораньше и извинись перед Сергеем.

— Тысячу раз неправ! — включился в разговор подошедший передовик Слава. — Ты весь цех удивил, и удивил нехорошо. Делай, как сказал Володя. Конечно, если только хочешь работать.

Оба повернулись и ушли.

Вовчик никак не ожидал такого единодушного осуждения его прямо-таки, как он по дурасти своей подумал, геройского поведения. В совершенно испорченном настроении он пошел домой. После ужина, когда женщины занялись на кухне мытьем посуды, Вовчик решил все рассказать отцу. Эта была последняя надежда на поддержку.

Отец очень огорчился. Но не поведением начальника цеха, а его, Вовчика, как выразился отец, "ничем не оправданным высокомерием".

— Да как тебе не стыдно было, как только язык повернулся такое сказать: "Не для того аттестат зрелости получал..."?! Если не хочешь испортить со мной отношения, — утречком приходи в цех первым и извинись за свое глупейшее поведение!

— Батя, может, вместе сходим?

— Э, нет! Сам натворил делов — сам их и расхлебывай!..

Утром, когда Вовчик зашел в кабинет начальника цеха и начал мямлить "Александр Сергеевич, извините!..", начальник, не дослушав до конца, коротко сказал:

— Договорились! Надеюсь, это наш первый и последний такой разговор.

Вовчик с облегчением вздохнул: "Ну и слава Богу!". А в обеденный перерыв...

— Ребята, у меня пятнадцать рублей пропало! — закричал Виктор. — Утром в кошельке были, я проверил, когда из трамвая выходил, а сейчас — нету!

— А у меня вчера из кармана куртки два червонца исчезло, — как-то слишком спокойно сказал Борис и повел крутыми плечами. — Думал, выронил где-нибудь, а теперь думаю — нет, не выронил...

В бытовке повисла гнетущая тишина. Потом раздался хриплый голос Боксермана:

— Это что же за хреновина такая получается?! Я сюда пришел почти десять лет назад, сразу после госпиталя, и никогда ничего не пропадало! Вот так дела!..

Вовчик с низко опущенной головой через силу жевал бутерброд. Он чувствовал, что все смотрят в его сторону. Ситуация — глупейшая. Вско-чить и закричать: "Честное слово, я никаких денег не брал!" — глупо, ведь вслух никто Вовчика не назвал. Но в то же время открыто говорят, что раньше ничего не пропадало...

Кое-как доработав до конца смены, совершенно расстроенный Вовчик поплелся домой. У ворот стоял сосед Пашка, молодой крепкий мужик, успе-вший отволочь шестеру за хулиганку*. Вовчик решил с ним как с чело-веком бывалым посоветоваться. Не перебивая выслушав Вовчика, Пашка закурил папиросу "Север", предварительно сложив ее мундштук гармош-кой, смачно сплюнул сквозь зубы, вздохнул и произнес:

— Хреновые, Вовик, твои дела! Видишь — никогда ничего не пропада-ло, а ты появился — и на тебе... А ты точно — не того?.. Ну все, все, я спро-сил, ты ответил, не прыгай! В общем, так: пока эту "крысу" не поймают — все так и будет висеть на тебе, и никуда тебе, пацан, от этого не деться. А вот если выследишь, поймаешь эту паскуду, которая у своих же пацанов тырит, — твое счастье!..

— Да как же, Паша, я эту падлу выслежу, если все вместе со мной на-ходятся на рабочих местах, все вместе идут на обед... — Вовчик неожида-но замолчал и безумными глазами уставился на соседа.

— Ты чего? — удивленно заморгал тот белесыми глазами, не переста-вая перебрасывать слева направо и обратно замусоленную папиросу. — Вспомнил что-то?

— Понимаешь, Паша, есть у нас в цехе одна гнида, уборщик. Так толь-ко он заходит в бытовку, где висят шмотки, когда все работают. Он, падла, с первого дня ко мне цепляется, да и работяги его не любят...

— О! — обрадовался Пашка. — Так это ж совсем другой разговор! Вот ты и паси эту тварь, а как за хобот ухватишь — ори на весь завод: "Все сюда! "Крысу" поймал! Понял? Ну, тогда покедова! Я на вторую смену опаздываю...

Проведя почти бессонную ночь, никому и ничего дома не сказав, Вовчик был настроен крайне решительно: он не сомневался, что находит-ся на правильном пути. Утром придя в цех, дождался, когда все его колле-ги, переодевшись, вышли из бытовки, с ненавистью, застилавшей глаза, проследил, как уборщик вынес последний совок с мусором, вернулся в цех и, что-то мурлыча себе под нос, вошел в бытовку. Через минуту Вовчик подошел к ее дверям. Ему повезло: они были слегка приоткрыты.

* "Отволочь шестеру за хулиганку" (жарг.) — отсидеть шесть лет за хулиганство.

Осторожно просунув в образовавшуюся щель голову, Вовчик увидел уборщика, который стоял к нему спиной и лихорадочно шарил в карманах старого кителя. Этот китель знали все — он принадлежал старому Боксерману. Вовчик отпрянул от дверей и бросился к верстаку, за которым стоял владелец кителя, ритмично работая напильником.

— Боксерман, ваш китель Сашка-уборщик шмонает! — выпалил Вовчик, и хромой фронтвик с фантастической резвостью бросился в бытовку.

— Остановите станки! — заорал Вовчик. — Помогите Боксерману!

Станки остановились, и в наступившей тишине послышался дикий визг, доносящийся из открытых дверей бытовки. Все бросились туда и остолбенели: на еще не высохшем после утренней приборки полу Боксерман душил визжавшего уборщика. И наверняка задушил бы, не вмешайся Боря, который с огромными усилиями разжал пальцы разъяренного инвалида, сжимавшие горло Сашки.

— Не выпускайте его — это вор! — прохрипел Боксерман, когда шатающийся уборщик попытался выскользнуть из бытовки, и несколько человек преградили тому дорогу.

...Получив несколько раз по обычно наглой, а сейчас отвратительно жалкой роже (естественно, первый удар с наслаждением нанес Вовчик), Сашка сознался во всем. И в том, что с предыдущего места работы вынужден был уйти за мелкое воровство, и в том, что, придя в этот цех, твердо решил "завязать" и долго держался — пока в цеху не появился новенький, то есть Вовчик. Своим мерзким умишком уборщик правильно, в принципе, прикинул, что все подумают именно на новенького. Откуда было ему знать, что у Вовчика окажется такой мудрый консультант — сосед Паша, только-только откинувшийся с кичи?*

На всю жизнь запомнил Вовчик (сегодня — пенсионер Владимир Сергеевич) этот случай из далекой юности. Когда мучает бессонница, Владимир Сергеевич, лежа в темноте с открытыми глазами, часто вспоминает инструментальный цех того, давно исчезнувшего уютного завода. Иногда он задается вопросом: а вдруг бы не удалось тогда поймать Сашку за руку? И через пятьдесят лет его охватывает ужас...

---

* "Откинувшийся с кичи" (жарг.) — освободившийся из тюрьмы.